

Партизаны

Война под крышами

Из собрания сочинений

Партизаны. Война под крышами
Партизаны. Сыновья уходят в бой
Каратели
Хатынская повесть
Последняя пастораль

Алесь Адамович
Из собрания сочинений

ПАРТИЗАНЫ ВОЙНА ПОД КРЫШАМИ

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
А28

Адамович, А.

А28 Партизаны. Война под крышами / А. Адамович. –
М. : Т8RUGRAM / Агентство ФТМ, 2018. – 394 с.

ISBN 978-5-521-74275-2

Дилогия Алеся Адамовича «Партизаны» — мощнейшее произведение классика советской литературы, белорусского писателя Алеся Адамовича о войне, о материнской любви и любви к Родине, о самопожертвовании и вере в победу. Роман «Война под крышами», впервые опубликованный в 1960 г., полностью автобиографичен и является первой частью дилогии «Партизаны». Его продолжением стала книга «Сыновья уходят в бой». Литературный образ Анны Михайловны Корзун — одной из главных героинь дилогии - Алесь Адамович создавал, опираясь на жизненный опыт своей матери. Позже он отметил: «Если мне что и удалось в романе «Война под крышами», то это потому, что прежде эту книгу мать написала собственной жизнью». По сюжету дилогии в конце 1960-х гг. режиссером Виктором Туровым были сняты одноименные художественные фильмы, для которых Владимир Высоцкий написал свой цикл военных песен, а главную роль сыграла известная актриса Нина Ургант.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84-4
BIC FC
BISAC FIC004000

© Т8RUGRAM, 2018
© ООО «Агентство ФТМ,
Лтд.», 2018
© Текст. А.М. Адамович,
наследники, 2018

ISBN 978-5-521-74275-2

У войны не женское
лицо. Но ничто
на этой войне
не запомнилось
больше, резче,
страшнее
и прекраснее, чем
лица наших матерей.

Часть первая

Война входит в дом

Настигнутые бурей

Люди в поселке не знали, что все то, о чем они думали и хлопотали, чему радовались и о чем бедовали в это чистое июньское утро, было совсем не таким важным, как им казалось: уже несколько часов шла война.

До полудня в рабочем поселке Лесная Селиба все имело свою обычную цену.

У пропыленной полуторки — мальчишка лет четырнадцати с загоревшей стриженной головой. Щеки у него по-детски округлые, но шея, руки — тонкие и длинные. «Растет», — говорят про таких в утешение матерям. Мальчишка держит в руках помятый чемоданчик, барабанит коленками по нему и глядит сразу во все стороны. С его лица не сходит улыбка, которая говорит очень откровенно, что человек счастлив видеть всех тут и что он очень удивился бы, если вдруг ему здесь не все были бы рады. Его улыбка заставляет уставших, пробеленных сульфатной мукой женщин, которые идут со смены, припоминать о чем-то, мало интересном для них: «...Это, кажется, докторов младший, Корзуниха зачем-то отправляла его к своему брату».

Мужчина в мешковатом суконном костюме расплывается с шофером. Он не торопится. По всему за-

метно: не он приехал домой, не он вот-вот встретится со своей мамой, и вовсе не ему страшно не терпится увидеть сразу все то, что год назад хотелось поскорее променять на более интересное.

Под нетерпеливо-радостным взглядом мальчишки высокий сутулый мужчина спрятал наконец большой бумажник и принялся стряхивать пыль с рукавов.

— Не ждут нас сегодня, Толя.

Мальчишка заулыбался еще шире: он-то знает, ждут или не ждут его.

Дядя, который идет с чемоданом за Толей, замечает все, что с такой радостью узнавания видит и Толя: отлогие канавы, где трава жадно выщипана гусями, придорожные сосны, серые от пыли, дома вдоль шоссе, лес, подступающий к самым огородам и сараям. Но все это дядя видит не так, как Толя. Он, конечно, не замечает, что все тут стало другим. Больница под красной крышей как-то распласталась, осела; заводская труба, дымящая у леса, сделалась ниже, будто искурилась. Глядя на здание школы, Толя удивляется: и как только за этим рядом окон укладывается тот длинный гулкий коридор?

Хотя нет, не все тут изменилось одинаково. Сделалось меньшим для Толи то, что оставалось на месте. А вот шоссе точно вместе с Толей вернулось в поселок откуда-то издалека. Черная полоса его уютно улеглась между мягкими пыльными обочинами, указывая на восток и на запад: на Москву и на Брест. Вглядишься — видишь: не лежит, а бешено несется вдаль и вдаль асфальтка, втягивая взгляд, точно воронка воду.

Старый екатерининский тракт, только недавно зачерневший асфальтом, охотно отдал поселку под улицу один свой километр: что для «варшавки» этот километр! Сколько их у нее! За поселком, где кончается высокая ограда стеклозавода, на старом бетонном столбе значится с восточной стороны: 669. Это — до Москвы. С западной — 99. Столько до Слуцка. А за Слуцком еще Кобрин, Брест...

Много километров у асфальтки, но этот для Толи — единственный: на нем разместилось его детство.

Толе скоро пятнадцать. Это тот возраст, когда в воспитании, по мнению дяди, нужна подгонка и шлифовка. Дядя Федор — директор школы. У него нет своих детей, и он берет к себе на год, на два то одного, то другого, племянника, если решит, что дома их «засахаривают».

С дядей и у дяди страшно интересно. Приезд его — праздник. Одевается дядя совсем не по-директорски, галстука на нем, по утверждению тети Лены, и на свадьбе не было. И лишь чемоданы у него всегда богатые: скрипящие, кожаные, большие. Он всегда приезжает с подарками. И если он дарит, так не сандалии или штаны, а краски в тубиках, набор инструментов, а то и фотоаппарат. Дядя все умеет делать сам, около него и тебе хочется все уметь. Он и Толю брал к себе «работать»:

— У нас там даром хлеб не едят.

Но это не пугало. Толе тогда казалось, что именно серьезного дела ему и не хватает дома.

— Поедешь, сынок? — спросила мама.

— Конечно! Надоело уже! — отозвался сын, да так

горячо, что мать удивленно и даже чуть обиженно поглядела на него, а потом засмеялась:

— Мы уже и надоели ему.

— Малéча!

Это, конечно, Алексей вставил свои три грошика. Ему что, ему хорошо, он старший. Если у тебя есть брат двумя годами старше, жизнь твоя — сплошные огорчения. Вечно ты до чего-нибудь не дорос, и главное — на каждом шагу тебе об этом напомнят. Можешь сколько угодно переходить из класса в класс, ничего не изменится в твоём положении, точно зарубка над тобой поднимается по мере того, как ты тянешься вверх. Началось это с люльки и штанишек, которые перешли к тебе от старшего брата.

А там и пошло. Все, что достается тебе, мало интересно уже потому, что брату позволено что-то большее, до чего тебе надо еще дорасти. Он может сам заводить патефон, а ты — обожди. Можешь, если угодно, тренькать на балалайке. Потом подпустят и к патефону, а тебе уже интересно было бы самому смазывать велосипед. Но тебе лишь позволяют перетирать в тряпочке дробь шариков, которые брат выковыривает черными пальцами из втулки. А там фотоаппарат, — и вообще конца нет всему этому.

Говорят, что цыган проклинал своего обидчика так: «А чтоб у тебя, батя, моложе, чем ты, никого в семье не было». Этот цыган знал, как пожелать зла человеку.

Алексей умеет сам находить интересное занятие: навес для дров поставит, тачку сколотит, сарай вычистит. Толе остается лишь помогать ему. Алексея не отрыва-